

ОБРАЗОВАНИЕ КАК «CULTURA ANIMI»

Аннотация. Философская традиция осмысления образования дает возможность представить его как процесс одухотворения душевно-сердечного потенциала человека. Образование, понимаемое в таком ракурсе, способствует становлению бытия гуманности. Оставаясь частью своего духовного и жизненного ареала, посредством образования человек получает возможность сближения и единения с Другими.

Ключевые слова: «cultura animi», душевно-сердечное, одухотворение, бытие гуманности.

Summary. The philosophical traditional of comprehending of education makes it possible to present it as a process of spiritualizing the human soul-heart potential. Education, understood in this perspective, contributes to the emergence of the existence of humanity. Remaining part of their spiritual and life range, through education a person gets the opportunity of rapprochement and unification with others.

Keywords: «cultura animi», soul-heart, spiritualizing, the existence of humanity.

Философская традиция осмысления сущности образования дает возможность представить его, в идеале, каким оно должно быть, как процесс одухотворения душевно-сердечного потенциала человека. Для такого осмысления, прежде всего, следует обратиться к знаменитому определению философии Цицероном и расширенному толкованию данной дефиниции в направлении понимания образования Максом Шелером.

«Как плодородное поле без возделывания не даст урожая, так и душа, – писал Цицерон. – Возделывание души – это и есть философия; она выпалывает в душе пороки, готовится душу к принятию посева и вверяет ей – сеет, так сказать, – только те семена, которые, вызрев, приносят обильнейший урожай» [1, с. 252]. Обратим внимание на приложение к понятию «душа» («*animi*») понятия «возделывание» («*cultura*»).

Под «*cultura animi*» – «возделывание души» – Шелер и предлагает понимать образование. Это означает, во-первых, что нравственное поведение человека во многом, если не в основном, определяется его образованностью. Во-вторых, что образование нацелено на душевный мир человека. Шелер пишет в данной связи: «Душа человека – это в известном смысле все», – гласит знаменитое изречение Аристотеля, на усвоении и истолковании которого выросла великая историческая традиция идеи «микrokосма» от Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Джордано Бруно через Лейбница к Гете» [2, с. 21]. В-третьих, образование, в таком случае, мыслится как *связующее звено* с макrokосмосом. Стремление к образованию является тяготением к освоению субстанциональной сущности мироздания, представленной как в природе, так и в жизни общества. В-четвертых, не следует забывать, однако, что когда речь идет об образовании, имеется в виду личность, в которой «универсальное» – «целостность мира» – как бы обретает индивидуальную форму. Другими словами, скажем, и Платон и Кант имели «свой мир».

«Итак, образование есть категория бытия, а не знания и переживания», – делает вывод Шелер, с которым, на наш взгляд, следует полностью согласиться [2, с. 21].

Сказанное является принципиально важным. Негативные тенденции современного образовательного процесса расширяются во многом и по причине того, что под ним понимают, в одном случае, – сумму знаний; в другом, – комплекс проецируемых вовне, в широком смысле слова, «переживаний».

В форме знания образование можно представить конгломератом теоретических дисциплин, который предполагается освоить в масштабе общества для дальнейшего развития науки (гносеологический аспект) и техники (цивилизационный аспект). Усиление акцента на гносеологическом аспекте ведет к поощрению развития фундаментальных наук; выдвижение на передний план благ цивилизации – прикладных. И в том, и в другом случае игнорируется гуманистический аспект образования, оно отрывается от того, что принято обозначать понятиями «воспитанность» и «мудрость». Быть образованным, в таком понимании, означает только широкую эрудицию, но, как известно со времен Гераклита, «многознание» не равно уму.

Образование, как категория бытия, не может быть сведено и к переживаниям, так как они всегда субъективны, знания же, как неотъемлемая составная часть образования, по определению, объективны.

В настоящее время мы живем в полифонической сфере многообразных ранее изолированных духовных миров. Придать образованию субъективный статус, отказать ему в объективности, означает подавление многообразия, силовое доминирование некой одной структуры, в данном контексте не имеет значения какой. Другими словами, речь

идет не об образовании, как постижении глубин, скажем, суфизма, а об образовании, как возможности быть в многообразном мире среди представителей разных других течений и направлений мысли и жизнедеятельности, суфиям. Признание образования не категорией переживания, т. е. субъективным по сути своей феноменом, а объективным, дает возможность постигать многообразие мира, осознавая себя его частью, и, вместе с тем, не отказываясь от индивидуальных притязаний.

Итак, в качестве предварительного итога подчеркнем, что при осмыслении сущности образования не следует ограничивать себя аспектами гносеологической, тем более практической, утилитарной либо политической, религиозной и пр. и пр. целесообразности. Когда мы говорим об образовании, изначально следует отвлечься и от нашей психологической, возможно даже экзистенциальной данности.

Быть значит быть образованным. Образование, фигурально, в такой мере и степени определено бытием, в какой само и определяет его. Образование следует, на наш взгляд, представить *со-определяющим бытие человека феноменом*. Со-определяющим, так как бытие включает в себя образование, но не ограничено им.

Возникает вопрос, какое же «бытие» призвано со-определять образование. Понятно, поскольку мы говорим о бытие человека, то и образование следует направлять на становление бытия гуманности. Последнее касается исконной сущности человека, которую, на наш взгляд, отталкиваясь от Традиций народов мира и истории философской мысли, следует определять как *душевно-сердечную* [3, с. 44–82; 4].

Отсылая к специальным исследованиям, предельно кратко поясним сказанное. История осмысления исконной природы человека позволяет под душевно-сердечным потенциалом понимать *любовно-сострадательное* напряжение, при котором, любовь являет смысл жизни, а сострадание – задает цель: указывает *Путь* приложения смысла.

Душевно-сердечное есть Сущее бытия человека.

Душевно-сердечное и следует признать *критерием*, посредством которого появляется возможность объективно с общечеловеческой, а не только исторической, точки зрения судить о конкретных поступках человека, социальных событиях, эпохах, цивилизациях, культурах. Душевно-сердечное как исконное не подвластно времени, не изменяется с момента становления человека. Можно предположить лишь разную степень его интенсивности. Оно в разных культурах *по-разному выражается в духовной*, а соответственно, и социальной жизни.

Вместе с тем, обратим внимание и на то, что понятие «сердца» указывает на отношение к Другому, причем если позитивная направленность при этом отсутствует, принято говорить о *бессердечии*, что согласовывается с самыми широкими представлениями обыденного сознания и, в то же время, с текстами священных писаний, скажем, Библии, а так же с историко-философской традицией. Так, согласно Ильину, сердце является сущностным основанием исконно человеческого, «силой любви», но может «омертветь», и тогда культура превращается в «дурную цивилизацию», которая создает «гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь» [5, с. 296]. В данном контексте, выводы относительно направленности образовательной деятельности, или, в педагогических терминах, нравственного воспитания, сами собой разумеются.

Обращаясь уже не к душевно-сердечному потенциалу, а к *духовному миру человека*, акцентируем внимание на том, что его *сущность всецело заключается в его же деятельной активности*. Дух сам по себе, «внутри себя», имеет «вечный двигатель». Дух

есть постоянно возобновляющаяся активность. Духовное пребывает в *процессе* порождения. Духовное представляет собой *активность становления*. Следовательно, сфера духа существует по *имманентным ей закономерностям*. Такое понимание духовного согласуется с основными методологическими посылками феноменологии Э. Гуссерля, который писал: «Я совершенно серьезно полагаю: объективной науки о духе, объективного учения о душе – объективного в том смысле, что оно считает души и сообщества личностей существующими внутри пространственно-временных форм, – никогда не было и никогда не будет. *Дух, и даже только дух, существует в себе самом и для себя самого, независим, и в этой независимости, и только в ней может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно*» [6, с. 663]. В контексте выбранной нами темы, определим духовное как *способность, которой изначально наделен человек, связываться с внешним миром таким образом, что мир адекватно воспринимается и преобразовывается им, согласно его воле*. Реализовывается эта способность в процессе жизнедеятельности. *Отношение духовного и душевно-сердечного*, в таком случае, может быть фигурально представлено как *отношение числителя и знаменателя*; где совокупность ингредиентов духа является числителем, а душевно-сердечное – знаменателем. Данную формулу, на наш взгляд, следует признать выражением одной из *универсальных закономерностей бытия людей, их культуры, их исторически изменчивой жизни*. Идеальное значение представленной условной дроби – единица: *соответствие духовного душевно-сердечному*. Можно говорить и о соотношении изменчивых «числителей» философских идей, произведений искусства, культуры в целом, исторических событий, включая государственные перевороты и революции, диктатуры и демократические режимы, постоянному «знаменателю» душевно-сердечного.

Осмысливая известное нам прошлое, к сожалению, приходится фиксировать крайнюю удаленность от желаемого значения. Дело заключается не в том, чтобы, скажем, эпохи, цивилизации, культуры, исторические события или личности подвергнуть суду и виртуально наказать или оправдать. Долгий путь накопления герменевтического способа познания дает возможность сохранить исторический подход к прошлому – его осмысление с позиций ценностей определенной, конкретной духовной данности или культуры. Вместе с тем, понимая историческую обусловленность тех или иных идей и событий, необходимо *прилагать к ним меру душевно-сердечного*. Понять не означает принять в качестве конституционного принципа. Если мы стремимся к тому, что в обыденном сознании и в возвышенной художественной культуре, в догматах мировых религий и в высоких философских построениях определяется в качестве блага и добра, следует осознать: *Прошлое и Настоящее не соответствуют душевно-сердечной природе человека. Прошлое и Настоящее, в целом, а не в частных проявлениях, антиподы Сущего бытия людей*.

Как видно, образование в его подлинности следует определить как форму *одухотворения душевно-сердечного, целью которого является раскрыть сострадательный потенциал человека по отношению к Другому*. Наиболее сложным при этом является не отрываться от исконности, от бытийной данности сострадательного одухотворения, в процессе гуманитарного или даже гуманистического научения, в наибольшей степени включающего в себя воспитывающие личность составляющие.

Душевно-сердечная близость не имеет обустроенных людьми границ, ни государственных, ни экономических, ни этнических, ни религиозных. Оставаясь частью *своего*

духовного и жизненного ареала, посредством образования есть возможность единения в *со-страдании*.

Задачей образования является обнажать это, что, на наш взгляд, и будет способствовать реализации исконного душевно-сердечного потенциала человека.

Образование должно отстоять само себя, должно стать тем, чем оно и является по сути своей: *одухотворением душевно-сердечного – «cultura animi»!*

Литература

1. Цицерон, М. Т. Избранные сочинения / М. Т. Цицерон. – Москва : Художественная литература, 1975. – 456 с.
2. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – Москва : Гнозис, 1994. – 490 с.
3. Каравкин, В. И. Идеальная модель культуры / В. И. Каравкин. – Москва : ОГИ, 2010. – 336 с.
4. Каравкин, В. И. «Le Cœur a ses raisons» – «Ordo amoris» – душевно-сердечное / В. И. Каравкин // Антология современной русской философии. Том 1. – Москва, 2017. – С. 202–220.
5. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – Москва : Республика, 1993. – 431 с.
6. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. – Минск : Харвест; Москва : АСТ, 2000. – 752 с.